

Среди ночи Ли Чжоучжоу проснулся и в темноте посмотрел в сторону окна.

Ветер шумел в ветвях, в комнате заметно похолодало. Юноша заботливо подоткнул одеяло со стороны мужа и закинул на него ногу, согревая своим теплом — от природы он был горяч, и это тепло хорошо передавалось супругу. Убедившись, что Гу Чжао спит крепко и мирно, он снова закрыл глаза. Однако сон его был недолгим: еще не пропели петухи, а он уже снова бодрствовал. Оконный проем слабо светился белым — неужели выпал снег?

Вспомнив о курах и свинье на заднем дворе, Ли Чжоучжоу поспешно поднялся. Наспех одевшись и даже не пригладив волосы, он направился к выходу. Стоило ему отодвинуть засов, как в сени вошел отец — плечи Ли Да были припорошены снегом.

— Снег пошел, — отец принялся отряхиваться. — Я уже проверил кур, всё в порядке. Иди полежи еще немного.

Чжоучжоу выглянул наружу: землю уже укрыло ровным белым полотном.

— То-то я чувствую, что к полуночи мороз ударил.

Он вернулся в спальню, но сон окончательно прошел. Ли Чжоучжоу забрался под одеяло. Сначала он хотел подождать, пока тело согреется после холодного воздуха сеней, но спящий муж, почувствовав его рядом, сам перекатился поближе и уткнулся ему в грудь.

«Как хорошо, что мы вчера съездили в город и всё купили»

Раз спать больше не хотелось, юноша просто обнимал супруга, и мысли в его голове текли сами собой.

В этом году снег выпал рано, еще до наступления Нового года — значит, в следующем году земля даст добрый урожай. Когда они соберут зерно, заплатят налоги и отложат часть для себя, остальное можно будет выгодно продать в городке. А весной стоит взять еще одного поросенка. Пусть забот прибавится, зато к концу следующего года в доме будут водиться деньги — по крайней мере, на бумагу и кисти мужу точно хватит.

Если он не будет лениться, они обязательно накопят серебра. Прижимая к себе Гу Чжао и размышляя о будущем, Ли Чжоучжоу чувствовал, как в груди разливается теплое, тягучее спокойствие.

Он пролежал так еще около часа, а стоило ему начать одеваться, как муж тоже проснулся.

— Я тебя разбудил, муж?

— Нет... — голос Гу Чжао был еще хриплым и сонным. — Хотел встать пораньше, потренироваться немного.

— Сегодня не стоит бегать, на улице снег, — Чжоучжоу подал ему одежду.

Тот принял её и, взглянув в окно на белую пелену, послушно ответил:

— Тогда я разомнусь здесь, в комнате или в сенях, когда снег утихнет. Чжоучжоу, у тебя поясница не ноет? Если неважно себя чувствуешь, полежи еще, я сам приготовлю завтрак.

— Всё хорошо, я полон сил, — тут же отозвался Ли Чжоучжоу.

Работа на кухне была его обязанностью. Одно дело, если супруг помогает изредка, но нельзя же позволять ему готовить каждый день.

Гу Чжао, услышав это, картинно поник:

— Неужели я так плохо готовлю, что ты мне больше не доверяешь?

Ли Чжоучжоу не выносил, когда его ненаглядный расстраивался, и поспешно добавил:

— Нет-нет! Тогда поможешь мне развести огонь.

— С радостью! — муж мгновенно просиял.

Стоило им выйти из комнаты, как в лицо ударил ледяной ветер со снегом. Гу Чжао мгновенно взбодрился — от остатков сна не осталось и следа.

— Красота! — воскликнул он. — Голова сразу ясная, можно и за книги садиться.

Книги того времени сильно отличались от современных: язык был архаичным, текст шел вертикальными столбцами, а из знаков препинания встречались лишь точки в конце предложений. Читать их приходилось медленно и вдумчиво.

Ли Чжоучжоу первым делом развел огонь в очаге. Поверх воды в кадке уже образовалась корка льда — он пробил её скалкой и зачерпнул воду ковшом из тыквы.

— Муж, последи за огнем, а я схожу на задний двор.

Чжоучжоу велел Гу Чжао сесть поближе к очагу, чтобы тот не мерз. Тот послушно устроился у

огня, грея ладони и припоминая выученные вчера стихи.

На заднем дворе огород уже скрылся под слоем снега. Ли Чжоучжоу присел и принялся разгребать его руками — сегодня нужно было выкопать всю капусту и начать солить её, иначе мороз погубит урожай. С редькой можно было не спешить: после первых заморозков она становилась только слаще и вкуснее.

На другой стороне двора, за узкой тропинкой, располагались хлев и курятник. Они представляли собой длинную постройку, разделенную посередине саманной стеной. У свинарника часть загона была открытой, а часть укрыта навесом из тонких жердей, обмазанных глиной с соломой и застеленных сухой травой. В каменном корыте с одной стороны была вода, с другой — корм.

Курятник был устроен так же, только в крытой части была установлена решетчатая калитка. Еще с наступлением первых холодов Чжоучжоу уложил там толстый слой соломы. Свинья уже откормилась, обросла жиром и холода не боялась, а вот о курах-несушках следовало позаботиться. Юноша увидел, что отец уже закрыл калитку и загородил её соломой от ветра.

Заглянув внутрь, он увидел, что все восемь птиц сбились в одну кучу и греются — мороз их не пронял. Он пошарил в соломе: от холода они стали нестись хуже, сегодня нашлось всего пять яиц.

Ли Чжоучжоу сложил их в корзинку. Продавать их он больше не собирался — решил приберечь всё для дома, чтобы к праздникам на столе всегда было чем угоститься.

— Муж, как насчет яиц в сладкой воде на завтрак? — спросил он, вернувшись.

Деревенская ребятня обожала это лакомство. Вчера они купили солодовый сахар, самое время его опробовать.

Гу Чжао, закончив повторять про себя стихи, кивнул:

— Сладкие яйца-пашот? Звучит замечательно.

«И впрямь сладкоежка, совсем как ребенок»

Завтракать в главную комнату не пошли — пока донесешь, всё остынет. Вся семья устроилась прямо на кухне. На столе были привычные лепешки, густая зерновая каша и вместо обычных вареных яиц — десерт в сладком сиропе.

Гу Чжао отхлебнул из чашки. Сладость была легкой, нежной. Этот сахар делали из ферментированного проса и пшеницы, и он имел приятный золотистый оттенок. Такой солодовый сахар стоил дешево, хоть и был менее сладким, чем дорогой тростниковый сахар-песок, который по праздникам покупали детям.

— Муж, в котле еще есть, — заметив, что супруг ест с аппетитом, Чжоучжоу подлил ему еще порцию.

Гу Чжао, придерживаясь принципа ничего не тратить зря, а также потому, что вкус был не слишком приторным, подошел к котлу с чашей.

— Очень вкусно, — похвалил он жену, допивая сироп. Ли Чжоучжоу расплылся в довольной улыбке.

С первым снегом деревня словно замерла. Те, кто был поаккуратнее, заготовили дрова заранее и теперь стирали вещи дома, подливая в тазы горячую воду. Ленивцы же, прокутившие осень в гостях, теперь были вынуждены мерзнуть у реки, потому что дров на обогрев воды у них не было.

Чжоучжоу был хозяином рачительным. Еще в солнечные дни он перестирал все одеяла и тяжелые вещи, просушил их и убрал в сундуки, а сейчас все домашние уже переоделись в теплые халаты на вате.

— Схожу к воротам за тофу, — сказал он. — На обед потушу его с капустой.

— Может, подождешь, пока снег утихнет? — предложил Гу Чжао.

— Дядя Ван делает немного, а в снег все захотят капусту с соевым творогом тушить — это сытно и на всю семью хватает. Боюсь, если опоздаю, ничего не останется.

Супруг не стал его удерживать, только заботливо добавил:

— Будь осторожен, на дороге скользко. Надень шляпу-доули, чтобы не промокнуть.

Раньше Ли Чжоучжоу никогда не надевал шляпу в такую погоду — просто отряхивал снег с плеч, и дело с концом. Но теперь, слушая мужа, он послушно надел её.

Дом Ли стоял недалеко от деревенских ворот. Дорога была скользкой, поэтому юноша шел не спеша. Еще не дойдя до дома торговца, он услышал приглушенные голоса — соседи уже собрались за покупками.

Он прибавил шагу, и тут до него донеслось имя мужа.

— ...Да истинная правда! Своими ушами слышала: Учёный Гу сказал: «зови её тёщей», и этот ваш гэ'эр Ли Чжоучжоу и впрямь называет Ли Гуйхуа тёщей!

— А когда они к родителям мужа ездили... вы бы видели! Чжоучжоу в доме за главного, сидит

беседы ведет, а этот ученый вокруг него так и вьется, прислуживает.

Это были жители деревни Дунпин, тоже пришедшие за товаром. Сельчане только ахали, подхватывая сплетню.

— Я слышала об этом, да не верилось. Неужто и впрямь тёща и тесть?

— И впрямь за главного? Ну и ну, наш брат гэ'эр совсем голову задрал.

— Да посмотрите вы на дядю Вана! Тоже ведь гэ'эр, а как живет? В страду в поле наравне с мужиками горбатится — полумужчина ведь, силы не занимать. В затишье тоже отдыха не знает: затемно встает бобы молот. И куры на нем, и свиньи, и дети... Горькая доля у гэ'эров. Раньше и Чжоучжоу так жил, как вол запряженный.

— То раньше было. А теперь вон, Ли Да с зятем-то не прогадал.

— Не прогадал? Это как посмотреть. Зятек его в поле — ничемный, в науках тоже, видать, толку нет. Всё равно Чжоучжоу на себе тащить придется. Вот постареет Ли Да, и станет наш Ли вторым дядей Ваном.

— То ли дело Син-гэ'эр! Вот кому повезло. Семья зажиточная, Ван Шитоу его бережет. Свекровь хоть и ворчала поначалу, а теперь, как он сына родил, души в нем не чаает. Вот это я понимаю — счастье.

При упоминании Син-гэ'эра даже жители Западной деревни согласно кивали: и лицом пригож, и язычок сладкий, и судьба удачная. Ли Чжоучжоу и Син-гэ'эр выросли вместе, были почти ровесниками и двоюродными братьями — неудивительно, что их сравнивали всю жизнь. Правда, когда в тринадцать лет Чжоучжоу резко вытянулся и раздался в плечах, сравнения поутихли. Уж слишком разными они стали.

Ли Чжоучжоу слушал это всё, не принимая близко к сердцу. С детства он слышал подобное — стоит ли запоминать каждую глупость? К тому же Син-гэ'эр был его единственным другом. Если тот счастлив, он только рад за него.

Чжоучжоу не завидовал. Теперь у него был муж, и нынешние заботы не казались ему горькими. Если трудиться, жизнь обязательно наладится.

Он громко крикнул от ворот, осталось ли еще тофу. Разговоры во дворе мгновенно смолкли, сменившись обыденным:

— Заходи, еще есть!

Ли Чжоучжоу вошел, вежливо здороваясь с соседями. Дядя Ван как раз выносил два подноса со свежим продуктом, укрытых мешковиной. Из-за снега торговать пришлось не во дворе, а под навесом у мельничного жернова — кухня была слишком тесной для такой толпы.

— Не толкайтесь, на всех хватит, — уговаривал хозяин.

Но люди всё равно лезли вперед:

— Мне первому! На пять вэней!

— Дети дома ждут, мне на три вэня!

Дядя Ван не успевал — и деньги принимать, и резать. Из дома выбежал мальчик лет семи-восьми, щупленький и бледный в своем ватном халатике.

— Папа, я помогу!

— Иди в дом, простудишься! — Дядя Ван попытался спровадить сына.

Мальчик рос слабым, и любая простуда могла обернуться серьезной болезнью и тратами на врачей.

— Папа...

— В дом, я сказал! — прикрикнул отец, но сын не шелохнулся.

Покупателей было много, все спешили поскорее вернуться в тепло. Некоторые просто совали монеты в руки продавцу, выкрикивая сумму. Тому приходилось разрываться. Кое-кто, пользуясь сутолокой, пытался недодать монетку-другую.

— Здесь не хватает одного вэня, — окликнул дядя Ван соседа, разжав ладонь с четырьмя монетами. Тот хохотнул:

— Ой, и вправду. Не заметил, видать.

И нехотя выудил из-за пояса недостающее.

— Папа, давай я буду деньги собирать.

Дядя Ван сдался — ему нужно было резать соевый творог: большие куски по пять вэней, маленькие по три.

— Тётушка Чжу, три вэня.

— Сюда пять.

Сына дяди Вана звали Сяо Тянь, и имя это дали ему неспроста. В августе тридцать первого года эры Канцзин отец мальчика, будучи на сносях, собирал арахис в поле. Повитуха говорила, что срок еще через полмесяца, но роды начались прямо во время работы. Если бы не Ли Чжоучжоу, который в тот день оказался рядом и на руках отнес его домой, Сяо Тянь родился бы прямо в борозде. Когда выбирали имя между «Арахисом» и «Подем» (Тянь), бабушка решила, что «Сяо Тянь» звучит лучше.

С помощью ребенка дело пошло быстрее. Уходя, люди хвалили мальчугана за сообразительность, но в глазах их читалась жалость — уж больно болезненным он выглядел.

Вскоре толпа разошлась. В мороз ни у кого не было желания стоять и чесать языки. Ли Чжоучжоу остался последним.

Заметив его, Сяо Тянь вежливо поздоровался:

— Брат Чжоучжоу!

— Что я тебе говорил? Называй его дядей, — поправил сына отец, хоть голос его и звучал мягко.

Мальчик послушно исправился:

— Дядя Ли.

— Здравствуй, Сяо Тянь, — Чжоучжоу протянул ему три монетки. — Мне на три вэня.

Дядя Ван отрезал ему кусок, явно больше положенного. Чжоучжоу поспешно возразил:

— Нас в доме мало, трех вэней и так за глаза хватит. Если будете так много давать, я в следующий раз и прийти побоюсь.

— На две деревни я один тофу продаю, куда ты денешься? — ворчливо отозвался мужчина, укладывая кусок в миску Чжоучжоу. — Тут на пять вэней и не тянет, считай, обрезки. Бери скорее, пока другие не увидели.

Ли Чжоучжоу не стал спорить, но незаметно оставил на жернове еще одну монету и поспешил к выходу.

— Папа, я провожу дядю Чжоучжоу, — вызвался Сяо Тянь.

Дядя Ван, раскрасневшийся от работы, вытер пот со лба:

— Если ты его проводишь, он точно больше не придет.

Он коснулся рук сына — те были ледяными.

— Живо в дом, на кан. Тут осталось-то всего ничего, я сам справлюсь.

В этот раз Сяо Тянь послушался.

Ли Чжоучжоу вернулся домой, оставил миску на подоконнике и, стоя под навесом, тщательно отряхнул снег со шляпы, прежде чем повесить её на гвоздь. Только после этого он занес тофу на кухню. Он так торопился, что совсем забыл — он ведь не протопил мужу кан!

Но войдя в комнату, он почувствовал живительное тепло.

Гу Чжао сидел за столом с книгой. Услышав шаги, он обернулся и протянул руки.

— У меня руки холодные, — предупредил Чжоучжоу, но не успел он договорить, как ладони его оказались в теплых руках супруга.

— А я их согрею, — Гу Чжао прижал его руки к себе. Видя беспокойство юноши, он добавил: — Ты только ушел, а отец сказал, что сидеть за столом холодно, и сам протопил нам кан. Иди присядь, отдохни.

— Нет, мне еще обед готовить.

— Почему так долго? Я думал, ты быстро обернешься.

— Полдеревни за товаром пришло, пришлось в очереди постоять.

Они немного поговорили, но Чжоучжоу не мог долго сидеть без дела. Как только он согрелся, он снова вышел на кухню. Во всем их большом кирпичном доме только их комната отапливалась дном. Гу Чжао понимал, что это делается ради его учебы, но топить кан весь день было слишком расточительно — дров не напасешься, к тому же отец весь день проводил в холоде.

На обед была лапша с капустой, тофу и кусочками мяса. Чжоучжоу сам раскатал тесто из смеси злаков и нарезал его треугольниками. Овощи он обжарил на свином сале, а тофу пропиталось ароматным бульоном до самых краев.

— Какой вкусный тофу! — Гу Чжао довольно кивнул.

Ему очень нравился местный продукт — он был гораздо нежнее и ароматнее того, что продавали в современных супермаркетах.

— Дядя Ван занимается этим делом уже больше десяти лет, мастерство у него отменное, — Чжоучжоу решил, что завтра снова сходит за покупками, только нужно будет проследить, чтобы тот не давал лишнего. Жизнь этого человека тоже была не сахар, только зимой торговля и шла.

Гу Чжао грел руки о чашку.

— Не стоит топить нам кан днем, — сказал он. — Я ведь всё равно не сижу на нем, только дрова переводим.

— Как же так? Ты ведь у окна сидишь, руки замерзнут писать.

Зимой света не хватало, а если закрыть окна плотнее, из щелей всё равно тянуло холодом. Сидеть же в глубине комнаты значило портить глаза или жечь масло в лампе — и то, и другое было накладно.

Гу Чжао хотел было возразить, но видел, как Ли Чжоучжоу за него переживает. Его тактика «нежного мужа» сработала слишком хорошо: супруг теперь опекал его как дитя малое. Это было... чертовски приятно.

— Может, поставим в главной комнате печь? Будем на ней и воду греть, и бульон томить, и дом заодно обогреем, — предложил он.

Ли Да, до этого молча евший, поднял голову:

— Ты про глиняную жаровню?

Раньше Ли Да и Чжоучжоу жили вдвоем и холода особо не замечали — привыкли за долгие годы. Но с появлением «хрупкого» зятя отец стал припоминать, как согреваются зимой другие семьи. Те, у кого были дети и женщины, ставили в главной комнате жаровню с углями — и тепло, и батат испечь можно. Правда, воду на такой не вскипятишь...

— Чтобы на жаровню котел поставить, нужна подставка, да железная, — рассудил Ли Да. — За такой в город ехать надо.

Топить кан и днем, и ночью и впрямь было накладно. Предложение Гу Чжао показалось ему разумным. Такую печурку можно было поставить и в комнату к молодым, прямо под стол.

Гу Чжао отставил чашу:

— Отец, я не про жаровню. Я про глиняную печь... Не знаю, делают ли у нас такие.

На самом деле он думал о чем-то вроде угольной печи, но уголь был редкостью. Нужно было что-то попроще. Вроде тех маленьких переносных печек для котелков, только побольше.

— Печь? Как та, на которой еду готовят, только поменьше? — догадался Ли Да. Такую сложить было несложно, он и сам справится, да и Чжоучжоу поможет. Одно плохо — в комнате от неё дыма будет много.

Молодой человек объяснил, что печь должна быть небольшой и удобной.

— Отец, муж, давайте сначала доедим, а потом обсудим, — мягко вмешался Ли Чжоучжоу.

Гу Чжао быстро закончил с обедом и принес лист бумаги, на котором уже была исписана одна сторона. На обороте он набросал примерный чертеж.

— Похоже на жаровню для лекарств, только огромную, — сразу узнал Чжоучжоу.

Почти такая же была у дяди Вана для Сяо Тяня. Лекарства требовали медленного огня, поэтому их жаровни были крошечными. Но если сделать такую, как нарисовал муж, обычный горшок на неё не встанет — придется заказывать новый.

— Чжоучжоу, какой ты сообразительный! — искренне восхитился Гу Чжао.

В подобных вещах не было ничего сложного, народные умельцы и не такое придумывали. Но в деревне к лекарственным жаровням относились с суеверием — считалось плохой приметой держать в доме такую вещь без нужды. Вон, в семье Сяо Тяня как завели её, так болезни из дома и не выходят.

К тому же семьи в деревне были большие, готовили в огромных котлах, а на маленькой печке обеда не дождешься. Для тепла же обычная жаровня с углями была и дешевле, и привычнее. Поэтому никто и не думал мастерить что-то подобное.

— Если муж хочет такую, я спрошу, когда снег утихнет. В деревне Шили вроде был хороший гончар, — сказал Ли Чжоучжоу.

Сам он тоже не любил дурные приметы — его ведь и так полжизни называли проклятым, вина в смерти папы. Но раз муж хотел, и раз это помогло бы согреться всем, включая отца — Ли Чжоучжоу отбросил сомнения.

— Я сам схожу, — веско произнес Ли Да. — Дорога тяжелая, а я там всех знаю, быстрее договорюсь.

<http://bllate.org/book/15349/1416937>